

После завершения миссии Альянс предоставил Линь Ци и Системе недельный отпуск. Система настойчиво советовала юноше воспользоваться услугой эмоционального сжатия:

— Сходи в комнату эмоционального сжатия. Хватит целыми днями рыдать дома. Стоит пройти процедуру, и ты сразу перестанешь думать о Ду Чэнъине.

Линь Ци, вяло перекатившись на кровати, пробормотал:

— Иди лучше посмотри свои шоу.

— Ты шутишь? Какой телевизор в отпуске! — с пренебрежением фыркнула Система. — Только такие затворники, как ты, сидят в четырёх стенах. У меня свидание, так что чао!

Линь Ци хотел было спросить, с кем это помощница умудрилась завести свидание, но в памяти тут же всплыл образ Ду Чэнъина, сопровождавшего его сквозь горы и долины. Он вытянул из пачки салфетку и снова тихо заплакал.

Он отчаянно тосковал по Ду Чэнъину.

Возможно, оттого что раньше он никогда не знал подобного тепла, Линь Ци только сейчас осознал, какое это счастье — когда тебя любят. Теперь даже его слёзы казались ему своего рода кокетством, признаком того, что он был по-настоящему любим.

Он лежал на кровати, не имея сил даже пошевелиться. Глядя в девственно-чистый серебристо-белый потолок, юноша до боли в сердце скучал по той ветхой соломенной хижине, которую они с Ду Чэнъином построили собственными руками.

Когда через семь дней Система вернулась и увидела Линь Ци, который стал похож на бледную тень самого себя, она невольно ахнула:

— Боже, ты что, всё это время просто лежал?

— Да, — безучастно отозвался Линь Ци.

— Даю тебе три минуты, чтобы собраться на эмоциональное сжатие, — голос Системы звучал непреклонно.

Всегда покладистый Линь Ци на этот раз проявил неожиданную твёрдость:

— Я не пойду!

Слёзы снова покатались из его глаз. Он отвернулся и свернулся калачиком, всхлипывая:

— Я не хочу его забывать.

Система промолчала. Нынешнее поколение координаторов становилось всё слабее и слабее. Не желая примерять на себя роль психолога, она холодно отрезала:

— Делай что хочешь, мне плевать. Но миссии нужно продолжать.

Линь Ци шмыгнул носом и тихо ответил:

— Я буду работать.

— Вот и славно.

Юноша поднялся и пригладил растрёпанные волосы.

— Я приму душ.

— Иди, — буркнула Система.

Даже после душа Линь Ци выглядел болезненно бледным.

— Пошли.

Помощница про себя отметила, что его выход на работу больше напоминает путь на кладбище. Она не удержалась от едкого замечания:

— Вид у тебя такой, будто ты только что овдовел.

Услышав это, Линь Ци снова покраснел глазами, но упрямо возразил:

— Он не умер. Мы просто живём в разных мирах.

— Надо же, ты всё-таки осознаёшь, что это разные миры, — равнодушно парировала Система.

Несмотря на насмешки, Линь Ци оставался непоколебим.

«И что с того? Он любит меня, а я люблю его. Противоположность любви — это забвение. Пока я люблю его, я не забуду»

— Всё-всё, хватит этой ванили, у меня голова разболелась, — прервала его Система. — Плевать, делай что хочешь. Ты работать собираешься или нет?

— А я разве отказывался? Я же сказал — пошли, а ты начала со мной спорить.

«Чёрт возьми, — подумала Система, — эти вдовушки такие колючие»

Для второго мира она позволила Линь Ци самому выбрать сценарий, опасаясь, что в таком взвинченном состоянии он натворит дел.

Юноша без колебаний выбрал мир Мэн Хуэя. Тот был стопроцентным натуралом, и Линь Ци прекрасно помнил, что на момент его смерти Мэн Хуэй как раз обручился.

Он не хотел больше дарить свои чувства кому-то, кроме Ду Чэнъина. В этом мире он был намерен строго соблюдать дистанцию.

— Идёт, — согласилась Система.

— И это всё?

Холодная пачка банкнот хлестнула Линь Ци по лицу. Он едва успел перенестись в этот мир и ещё не справился с чувствами, так что его глаза сами собой наполнились слезами.

Стоящий перед ним парень с прыщавым лицом и жёлтыми волосами осклабился:

— Ой-ой, неужто плачем?

В этом мире Линь Ци снова был студентом. Одетый в мешковатую, застиранную школьную форму, он крепче сжал лямки рюкзака и тихо проговорил:

— Больше нет. Это всё.

— Да ты издеваешься?! — Гэ Цзяньцзюнь сплюнул на землю и смерил щуплого юношу недобрым взглядом своих узких глаз. — Сегодня же сдавали деньги в фонд класса, верно?

— Я уже отдал их учителю, — Линь Ци с тревогой посмотрел на зажатые в руке хулигана купюры. — У меня правда больше ничего нет.

— Серьёзно? — Гэ Цзяньцзюнь спрятал деньги в карман и снова посмотрел на Линь Ци, забившегося в угол стены. — Что-то мне не верится. — Он указал на него пальцем: — Стой смирно, я тебя обыщу.

Линь Ци поспешно сорвал рюкзак и выставил его перед собой как щит.

— Нет!

«Где же Мэн Хуэй?!» — Линь Ци помнил, что именно в тот момент, когда хулиган попытается сорвать с него одежду, Мэн Хуэй должен появиться как гром среди ясного неба и устроить классический передел добычи.

Раньше Линь Ци было всё равно, но теперь ситуация изменилась. Он не собирался позволять этому Гэ Цзяньцзюню даже пальцем до себя дотронуться.

Его бурная реакция лишь подогрела подозрения противника.

— Ага, значит, всё-таки наврал!

Не говоря больше ни слова, он рванулся вперёд, хватая Линь Ци за рюкзак. Старый, потрёпанный ранец, набитый учебниками, не выдержал: лямка с треском лопнула. Сумка кубарем покатила по земле, и из неё с грохотом посыпались пенал и ланч-бокс. В тишине пустынного переулка этот шум прозвучал пугающе громко.

— Чёрт! — Гэ Цзяньцзюнь сам вздрогнул от неожиданности, но тут же свирепо засучил рукава: — Ты напросился, урод!

Не успел он замахнуться, как из начала переулка донеслось ленивое:

— Эй.

Услышав этот голос, Линь Ци мгновенно приободрился. Главварь прибыл! Этот мелкий вымогатель скоро станет бледной тенью.

— «Эй» у своей мамы спрашивать будешь! — огрызнулся Гэ Цзяньцзюнь, оборачиваясь с занесённым кулаком.

Свет уличного фонаря отбрасывал длинную тень. В поле зрения хулигана появилась высокая

фигура. Смуглая кожа, короткий «ёжик» волос, сквозь который проглядывала бритая кожа головы, и глаза, сияющие в темноте, словно у дикого зверя. Молния на его широкой школьной форме была расстёгнута, открывая застиранную майку, под которой проступали крепкие мускулы. На его лице играла дерзкая усмешка.

— У кого, ты сказал, спрашивать? — медленно переспросил вошедший.

Гэ Цзяньцзюнь мигом струхнул. Противник был гораздо выше и крепче него. Понимая, что сила не на его стороне, он сплюнул в сторону и, засунув руки в карманы, попытался уйти, что-то бормоча под нос. Но стоило ему поравняться с Мэн Хуэем, как тот железной хваткой вцепился ему в предплечье. От боли подросток изогнулся всем телом.

— Брат, брат, виноват! Ошибся! — заскулил он с искажённым лицом.

— Я тебе не брат, — Мэн Хуэй наклонился к нему. Только теперь, вблизи, Гэ Цзяньцзюнь заметил небольшой шрам у того на виске. — А то ещё запутаемся, чья там мать была.

— Брат, у меня язык без костей, я правда виноват! — пролепетал Гэ Цзяньцзюнь, чувствуя, как подгибаются колени. — Я тебя не видел! Не стоило мне орать, это я про свою мать говорил, честное слово!

— Непочтительно, — Мэн Хуэй резко ударил его по голени. Тот с коротким вскриком рухнул на колени, обхватив ногу. Мэн Хуэй осклабился: — Ну вот, так гораздо почтительнее.

Линь Ци, сжимая в руках две оторванные лямки рюкзака, с интересом наблюдал за сценой. Мэн Хуэй был мастером во всём, будь то драка или словесная перепалка — его действия были не только эффективными, но и весьма зрелищными.

Позже, когда он разбогатеет и откроет свою компанию, он так и не сможет полностью избавиться от этих замашек уличного жоака.

Подросток стонал от боли, понимая, что нарвался на кого-то действительно опасного. Он принялся умолять о пощаде, выгребая из карманов все деньги и мелочь. Монеты со звоном покатались по асфальту.

— Собери, — небрежно бросил Мэн Хуэй.

Хулиган поспешно подобрал медяки.

— А теперь рюкзак, — Мэн Хуэй стоял, засунув руки в карманы и перекрывая выход из переулка. Он мельком взглянул на Линь Ци, забившегося в угол, и этот мимолётный, хищный блеск в его глаз заставил юношу вздрогнуть. — Испортил сумку хорошему ученику... Ты вообще человек после этого?

Тот, не понимая, как порванная лямка лишила его звания человека, покорно поковылял к рюкзаку. Ранец был тяжёлым, и парню пришлось нелегко.

— Брат? — осторожно позвал он, протягивая сумку.

— Кому ты брат? Отдай тому, у кого взял, — холодно процедил Мэн Хуэй.

Хромая, Гэ Цзяньцзюнь снова подошёл к Линь Ци и протянул ему рюкзак. Стоило ему повернуться, чтобы уйти, как Мэн Хуэй спросил:

— А остальное?

Обречённо вздохнув, хулиган вернул Линь Ци отобранные деньги.

Линь Ци сжал в кулаке мятые купюры. «Странно, почему Мэн Хуэй не забрал их себе, как в прошлый раз?»

Гэ Цзяньцзюнь снова заковылял к главарю с заискивающей миной:

— Брат, теперь я могу идти?

— Нет, — Мэн Хуэй опустил взгляд, в котором вспыхнула ярость. Он выхватил оставшуюся купюру из рук парня и легонько похлопал того по щеке: — И это всё?

Линь Ци лишь покачал головой.

«Вот это уже больше похоже на Мэн Хуэя»

Очистив карманы Гэ Цзяньцзюня до последнего цента, как и в прошлой жизни, Мэн Хуэй, наконец, отпустил его. Спрятав деньги, он медленно направился к Линь Ци.

Тот, прижимая к себе рюкзак, инстинктивно вжался в стену.

Мэн Хуэй замер перед ним, внимательно изучая его с ног до головы, и вдруг произнёс:

— А в детстве ты был довольно миловидным.

Линь Ци опешил от этой фразы.

В этот момент ожила Система:

[Обнаружен элемент перерождения у целевого персонажа]

[Уровень благосклонности: 100%]

[Уровень почернения: 100%]

У юноши от изумления приоткрылся рот.

Мэн Хуэй смотрел на Линь Ци и размышлял.

«В детстве он выглядел вполне нормально, это с возрастом лицо стало как каменная маска. Слишком много времени прошло... Я даже засомневался, действительно ли это тот самый Линь Ци»

— Меня зовут Мэн Хуэй.

— П-привет... — Линь Ци отвёл взгляд, не в силах смотреть в глаза человеку, чья симпатия к нему зашкаливала. — Я Линь Ци.

Он был совершенно потрясён. Мэн Хуэй... как у него могла быть стопроцентная благосклонность? Неужели на этот раз их ждёт крепкая мужская дружба?

— Называй меня «брат», — Мэн Хуэй смотрел на юношу, и в его сердце, которое годами оставалось холодным, вдруг затеплилась жизнь. Он чуть вздёрнул подбородок: — Ну же, скажи: «Брат Хуэй».

— Брат Хуэй...

Поезд юности промчался мимо с пронзительным свистком. Услышав это мягкое обращение, Мэн Хуэй наконец по-настоящему почувствовал, что вернулся в прошлое.

Он вернулся. В те времена, когда был беден и одинок. Туда, где всё только начиналось для него и Линь Ци — для его возлюбленного, которого он когда-то потерял.

— Пошли, — Мэн Хуэй по-хозяйски закинул руку Линь Ци на плечо. Тот вздрогнул от неожиданности и в смятении взглянул на него. После бега на коротком «ёжике» волос Мэн Хуэя выступил пот, капли которого блестели под луной, словно звёзды. Мэн Хуэй усмехнулся: — Брат Хуэй проводит тебя до дома.

<http://bllate.org/book/15815/1428429>